

Хранитель времени

Хранителем, смотрителем и главным городским часовщиком вот уже много лет называют Анатолия Ивановича Фролова. С момента установки в 1974 году «курантов» на ДOME Гончарова почти сорок лет он регулярно присматривает за ними, обещая, что при должном уходе часы прослужат ещё лет 500.

Перед нашей встречей Анатолий Иванович попросил: «Вы мою фигуру не выпячивайте. Просто из тех людей, с кем мы работали над восстановлением этого уникального механизма, почти никого уже нет в живых... Расскажите лучше побольше про часы».

Хранитель постоянно шутит, говорит не спеша, немного старомодно «окает», как типичный волжанин. Видимо, с годами стал похож на своё детище – точен и нетороплив. Они уже давно неотделимы друг от друга – часы и часовщик.

Надпись на часовом механизме:
«T. Cooke & Sons». York & London». 1868

«Пожертвован городу Симбирску
тайным советником графом
Владимиром Петровичем Орловым-Давыдовым»

Молодой Анатолий Фролов со старым циферблатом

И 37 лет спустя Анатолий Иванович всё так же неустанно следит за состоянием главных городских часов

Часы и колокол

– Сколько приходило корреспондентов, но никто толком не написал, какими часы были и какими стали после реставрации, – сетует Анатолий Иванович.

А история и впрямь похожа на сказку. Изготовлены часы были в Англии в 1868 году фирмой «Кук и сыновья». Год спустя тайный советник граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов выкупил их за 10 тысяч рублей золотом и подарил Симбирску. Сюда их доставили по Волге на барже и установили на колокольне Спасо-Вознесенского собора, который располагался там, где сейчас стоит памятник Гончарову, аккурат напротив нынешнего Дома Гончарова.

В 1934 году собор взорвали. Но прежде мастер, который обслуживал часы, и его помощник разобрали их, вывезли и спрятали в подвале здания бывшей городской управы (ныне – музыкальное училище на ул. Гимова) и замуровали входы.

Колокол нашли в 1974 году на пожарной каланче в Старой Майне. Когда-то пожарные «конфисковали» его из Головкинской церкви, перед тем как село в 1953 году ушло на дно Куйбышевского водохранилища.

Надпись, нанесённая по краю колокола, гласит: «По усердию вылит сей колокол... для церкви Вознесения Господня Их Сиятельств графа Ивана Григорьевича и графини Елизаветы Фёдоровны Орловых, мастер синбирский купец Гаврила Шамин, 1785 год, июля 28 дня, вес колокола 48 пудов 17 фунтов».

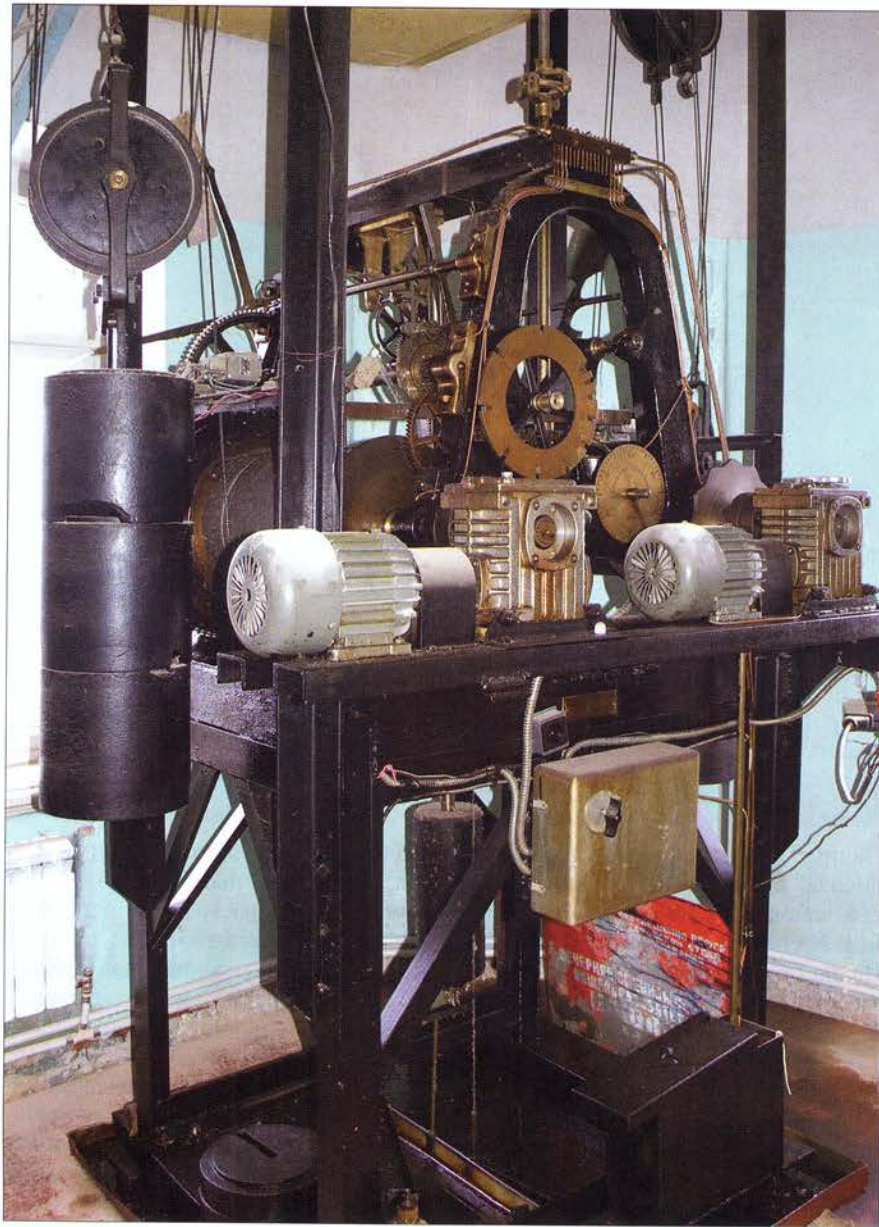
Из подземелья – на башню!

– Это уже много лет спустя стране решили вернуть немного старины, – рассказывает Анатолий Иванович. – Тогда вспомнили и про часы. Стали искать. Но не могли найти очень долго. А потом кто-то вспомнил: «Да они ж в подвале городской управы!» Это было в сентябре 1973 года. В здании как раз проводилась реконструкция, и механизм отыскался – правда, в полуразобранном виде. Встал вопрос – как восстанавливать? Знаю, что тогда звонили и в Москву, и в Куйбышев, но никто не взялся за ремонт. И тут вспомнили о приборостроительном заводе. Я тогда работал там в отделе главного механика руководителем конструкторской группы. Реставрировать часы поручили нам, доставив механизм на территорию предприятия. Они пребывали в плачевном

состоянии, многие части или сломаны, или изношены. Но мы старались ничего не выбрасывать, а реставрировали как можно больше из того, что худо-бедно сохранилось. Важно было сберечь память, сохранить историю. Например, мы восстановили шестерёнку привода боевой гири. Зубчатый венец большого диаметра был разломан на несколько частей. Кольцами скрепили эти обломки, и старинная шестерёнка до сих пор крутится.

Работа была интересной. Многое делали своими руками. Задача, конечно, стояла очень сложная. Незнакомый механизм, изготовленный в чужой стране, пролежавший в подвале почти полвека, предстояло «оживить», решив массу технических задач, внести много усовершенствований. Спроектировали и изготовили металлический каркас для установки механизма – раньше-то часы стояли на деревянном постаменте. Сделали электромеханический привод для подъёма гири (функционирует до сих пор). Разработали автоматическую систему управления им.

В первоначальном варианте две часовые гири весом в 12 и 25 пудов поднимались вверх на 21 метр с помощью лебёдки, которую вручную

Отреставрированный и модернизированный механизм установлен на третьем этаже ДOME Гончарова. Оттуда можно подняться в башенку, где находятся колокол и циферблаты

Точность – вежливость не только королей

Если для ручных часов допуск может быть – плюс-минус 45 секунд в сутки, то эти при постоянной температуре отклоняются на какие-то секунды в неделю, – утверждает Фролов. – Длина часового маятника 1750 миллиметров, а груз на его конце весит 64 килограмма. Амплитуда зависит от длины рычага, а длина – от температуры воздуха. Если жарко – маятник удлиняется и качается медленнее. Если холодно – быстрее. Поэтому часы установлены в помещении, где поддерживается постоянная температура – около 20 градусов. После установки я очень долго их регулировал именно под эту температуру.

Однако в связи с ремонтом в ДOME Гончарова в последние годы зимой она доходила до нуля. Поэтому часы «убегали», и приходилось их «притормаживать»...

Вот уже 37-й год подряд Фролов регулярно «навещает» часы. До ухода на пенсию в 1996 году делал это каждое утро: по дороге на работу. Сейчас – два раза в неделю – в понедельник и в пятницу. Приезжает на трамвае из Киндяковки, чтобы проверить, всё ли в порядке, точен ли ход. Но случались и экстренные вызовы.

– Однажды, вскоре после установки, часы вдруг стали бить без усталости, как набат. Вызвали меня, –

крутили два человека. Завода хватало примерно на двое суток. Теперь гири автоматически «взлетают» всего на полтора метра через каждые восемь часов работы!

Прежде маслѐнщику приходилось капать масло из маслѐнки на механизм вручную, теперь же установлена система автоматической смазки.

Раньше, когда часы стояли «на две стороны» улицы, у них было два циферблата, а в ДOME Гончарова понадобилось три. Сделали и новые циферблаты, и металлические стрелки к ним – старые были деревянные, хотя и из очень тѐрого, долговечного материала. Сейчас они в краеведческом музее. Разработали систему подсветки циферблата с автоматическим

включением в зависимости от времени суток. Первое время она включалась вручную, а потом появилась электроника. Светло – часы сами гаснут, темно – зажигаются.

Однако, прежде чем приступить к реставрации, требовалось определиться, где часы будут установлены. Где в городе отыщется помещение для огромного хода гирь. Тогда-то главный городской архитектор Серафим Николаевич Титов и решил построить на ДOME Гончарова башенку, часы поставить в третьем этаже, а в башне повесить колокол. И мы начали подстраивать механизм под это помещение. Часы располагаются на третьем этаже Дома Гончарова, а колокол «заклочѐн» в башню.

Участники восстановления часов
(слева направо):
Наум Шепшелевич – зуборез
Роман Михин – токарь-карусельщик
Анатолий Фролов – конструктор
Сергей Денежкин – слесарь
Пантелеев – слесарь
Анатолий Мишин – токарь.
Сентябрь 1974 года

вспоминает Фролов. – Без посторонних «умельцев» тогда, конечно, не обошлось. С тех пор комнату закрыли, а ключ отдали мне на хранение.

Спустя пару лет решили убрать с фасада силовые кабели. Потом, когда стали снова подключать электричество, перепутали фазы. Тогда сгорели оба двигателя. Я их снял и – на завод, в электроцех. Дескать, ребята, выручайте. И там без всяких разговоров за сутки всё починили. Вот такой бескорыстный был коллектив, такая забота о нашем детище.

Ещё раз часы вставляли в пургу позпрошлой зимой. Мне опять позвонили, и я примчался. Оказалось, снег в башне попал на шестерёнки, набился между зубцами, и механизм встал. За всю их историю подобные ЧП случались раза три.

Долгая дорога к часам

– Я же деревенский парень, – вспоминает Анатолий Иванович. – Родился в 1930 году в деревне Кожевенное Богородского района Горьковской области, до райцентра – 9 километров. В своей деревне окончил 4 класса. Потом до 7 класса ходил пешком в соседнюю Сысоевку.

Семилетку окончил одновременно с Победой, в 1945 году, и поступил в Богородский кожевенный техникум на механическое отделение. Сначала каждый день ходил пешком в райцентр. Потом дали общежитие. В 1948 году проходил практику на

кожевенном заводе в Ленинграде, а в 1949 – в Москве. Я хорошо учился, и руководитель практики предлагал остаться в столице. Но, будучи человеком деревенским, в городе чувствовал себя неуютно – трамваи, троллейбусы, всё звенит-гремит, кругом асфальт, ни травинки...

Выбрал Урал, Свердловскую область, райцентр, кожевенный завод. 23 августа 1949 года приехал туда, а там требовался механик... на торфяники. Но остался.

На заводе оказалось много трофейного немецкого оборудования без документов. И я стал в нём разбираться самостоятельно...

В 1966 году приехал в Ульяновск. Здесь как раз строился кожкомбинат. Первый корпус уже работал, а второй только готовили к пуску.

Потом, получив высшее образование, пришёл на приборостроительный завод, руководителем конструкторской группы, где и проработал ещё 27 лет!

С женой мы живём вместе уже 54 года. В Богородске мы с ней учились в кожевенном техникуме, но не общались. Потом я приехал на Урал. А года через два и она туда пришла на работу по распределению. Я был механиком, а она – технологом. Там только познакомились и поженились...

Есть сын, внук и внучка. Парни эти часы хорошо знают и могут обслуживать. Надеюсь, когда меня не станет, именно они продолжат моё дело.

Тайна флюгера

На шпилье часовой башни установлен флюгер. А под ним – шар, в котором заложена памятная табличка из латуни. На ней выгравированы имена людей, занимавшихся ремонтом часов и строительством башни. Такая же табличка прикреплена к самим часам.

– Не устаю повторять, что люди, которые занимались ремонтом, делали его с душой, – подчёркивает Фролов. – На старом снимке – шесть человек, это, конечно, не все, кто работали над часами. В их реставрации участвовал весь коллектив завода – не только конструкторы, но и цеха. Часы запустили 12 сентября 1974 года, в 12 часов дня. На площади состоялся маленький митинг. Там же мы и сфотографировались на память.

Представьте, людей, сделавших часы, давно нет, а дело их рук живёт! Кстати, часы и колокол – это же подарки внука и правнука симбирского губернатора. То есть память о внуке, и память о правнуке встретились, и теперь трудятся сообща. И после нас они тоже будут работать. Я уже привык к ним настолько, что мне без них скучно. Наверное, и о нас тоже будут помнить благодаря этим часам...

Александр Филатов

Фоторепродукции автора
с фотографий из личного архива
Анатолия Фролова
Фото Сергея Ойкина